

УДК 130.2

ББК 71

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАЛМЫЦКОГО ЭТНОСА КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Е. Тюмидова

Понятие «ментальность» является одним из самых сложных в современных гуманитарных науках, но при этом играет существенную роль в междисциплинарном взаимодействии и активно используется психологами, этнологами, философами, социологами. Как известно, первыми в изучении вопросов национального менталитета и ментальности индивида стали основатели школы «Анналов» — известные французские ученые, сторонники культурно-антропологического и историко-психологического подходов в общественном знании (М. Блок, Л. Февр и др.). Они считали необходимым более глубокий и детальный анализ способа мышления, мировосприятия, присущего изучаемой эпохе, по выражению Блока, «в точном и последнем смысле, — сознания людей. Отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияния и даже путаница, возникающая в их сознании, — они-то и составляют для истории подлинную действительность» [Блок 1973: 83]. Переход от истории «рассказывающей» к истории «интерпретирующей» трактовалось ими как революционное явление в гуманитарных науках. Введение понятия «ментальность» в оборот именно культурно-исторических исследований сыграло важную методологическую роль. Человеческое прошлое стало изучаться не только с внешней стороны, историки и культурологи заглянули в прошлое как бы «изнутри», пытаясь окинуть эпоху субъективным взглядом самих людей изучаемого периода [Февр 1991: 536].

Таким образом, благодаря развитию «истории ментальностей» произошла переориентация науки с изучения «истории звезд и героев» на «историю масс», «историю рядовых людей». Если до этого духовная культура представлялась историкам как совокупность неких, часто не связанных друг с другом философских, религиозных, этических, эстетических доктрин и идеологий, сформулированных интеллектуальной элитой или отдельными мыслителями, то

с середины XX в. исследование духовного мира исторических эпох дополнилось громадным пластом народного коллективного сознания.

Формирование ментальности — процесс, складывающийся веками. На него оказывают влияние географические, климатические, религиозные, языковые и другие факторы. Ментальность выступает как устойчивый структурный элемент, не склонный к быстрым изменениям, что и делает ее основой повседневной культуры любого человеческого сообщества. Приведем в этой связи слова известного испанского философа Х. Ортега-и-Гассета, очень тонко описывающего чувство этнической ментальности: «Я знаю, что где-то глубоко внутри меня, в потаенных закутках моей души и сердца идет незаметный, ни на секунду не прерываемый труд: все, что дает мне мир, искажается на испанский лад. Я знаю, что свобода ума и чувств, которой я вроде бы обладаю, ...лишь видимость. Дротик, летящий к цели, конечно же, полагает, что движется по своему усмотрению, и сам наметил себе цель. Однако кинула его чья-то рука... Таков и я — ...дротик, брошенный древней рукой моего народа» [Цит. по: Волкогонова, Татаренко 2001: 149]. При этом, если образы коллективного бессознательного применимы для всей человеческой культуры в целом, являясь универсальными для любой эпохи и любого народа, то ментальные установки обладают своей исторической и национальной спецификой.

В данном контексте обратимся к социально-философскому анализу ментальности калмыцкого этноса. Следует отметить, что одной из важных задач изучения ментальности калмыцкого этноса является раскрытие сущностных, глубинных особенностей мировосприятия и поведения народа и объяснение их через его историю и культуру. Функция объяснения тех или иных специфических черт культуры и ментальности этноса играет важную роль — ведь только то,

что понято и осмыслено человеком, может быть принято им или отвергнуто.

Современный этап развития этнологической науки Калмыкии характеризуется созданием серьезной теоретической и фактографической базы, что требует осмысления культуры этноса в целом. Изучение ментальности калмыков в какой-то мере является шагом на пути решения данной задачи. Большое значение имеют исследования современных ученых, отражающие те или иные черты ментальности калмыков, их идентичности [Имкенова 1992], этнического сознания [Четырова 2002; Бичеев 2005], этнофилософии [Бадмаев, Манджиев, Уланов 2012].

Целостное осмысление проблемы ментальности калмыцкого этноса важно для исследования его современной самоидентификации, а также для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. Выявление целостной картины ментальности калмыцкого народа становится насущной необходимостью в наше время. Обращение к менталитету калмыцкого этноса позволяет отчетливее осознать сущность и своеобразие культуры калмыков, ибо национальные культуры в конечном итоге есть не что иное, как внешнее проявление скрытой внутренней сущности — ментальности этносов и наций.

Как известно, калмыки — потомки кочевников, ойратов. Истоки ойратской самобытной культуры уходят своими корнями в историю древних народов Центральной Азии, Тибета и Индии. В начале XVII в. калмыки, совершив трансконтинентальный переход из Азии в Европу, добровольно вошли в состав Российского государства, заселив степи Южного Предуралья, Поволжья и Северного Кавказа. В результате было образовано Калмыцкое ханство, в границах которого сложилась особая монголоязычная народность на ойратской этнической основе — «улан залата хальмг». Учет данного историко-культурного контекста особенно важен для исследования формирования ментальности калмыцкого этноса.

Отличительные особенности образа жизни калмыков объясняются уникальным географическим положением территории, особенностью природного ландшафта, продолжительной, насыщенной событиями историей заселения и освоения региона, длительным и многогранным взаимодействием самобытных культур, этносов и кон-

фессий, участием территории в географическом разделении труда, специализацией в рамках хозяйственного комплекса страны, культурным, образовательным, квалификационным уровнем населения и другими факторами. Жизнь на перекрестке миграционных путей, длительное совместное проживание представителей множества культур и конфессий Юга России способствовали укреплению таких качеств, как веротерпимость, уважение соседей, толерантность, открытость. Под длительным воздействием такого конгломерата разноплановых и разнородных причин сложился уникальный образ жизни, воплотившийся в особенностях поведения и специфических особенностях калмыцкой ментальности.

Очевидно, что в основе калмыцкой культуры и ментальности лежит древняя буддийская традиция, вобравшая в себя и элементы языческих представлений. Поэтому духовное ядро калмыцкой культуры имеет дуалистический характер. Эта двойственность прослеживается во многих слоях и сферах культуры и почти во все периоды развития. Как в православие органично вплелись языческие празднества, традиции и обычаи (колядки, масленица и т. д.), так и в религиозной системе калмыков сохранились добуддийские обряды и верования, такие например, как поклонение Цаган аав — Белому старцу, обряд освящения родной земли и др.

Таким образом, ментальность калмыцкого этноса характеризуется, с одной стороны, буддийскими религиозно-философскими чертами, а с другой — основывается на народно-этических принципах, например, нүл (,отрицательный поступок'), килнц (,грех'), йор (,примета') и др.

Буддизм получил широкое распространение среди ойратов и калмыков во многом потому, что оказался близок их менталитету. «Сама жизнь кочевника на просторах бескрайней степи, где мало что отвлекает внимание, способствовала формированию созерцательного и космического сознания, свойственного буддизму... Свободолюбивым кочевникам была близка мягкая буддийская религия, которая не устанавливала жесткого регулятора образа мышления и поведения, тем более что буддизм не стал полностью отвергать привычные культы и обряды, а лишь ассимилировал их, наполнив новым содержанием» [Уланов 2009: 91].

В целом буддизм, буддийская культура и этика способствовали формированию у калмыков нового типа личности, сочетающей в себе, наряду с суровостью, воинственностью (объективно обусловленной кочевым образом жизни, участием в конфликтах и войнах, связанных с борьбой за территорию и т. д.), и такие черты характера, как открытость, терпимость, доброжелательность, при сохранении собственного достоинства. Толерантность к иным культурам, миролюбие, способность воспринять все лучшее, что было создано другими духовными традициями, отсутствие претензий на исключительность — это те свойства буддизма, которые обусловили установление калмыками добрососедских отношений с соседними, православными и мусульманскими народами.

Анализ религиозных оснований ментальности калмыков показывает, что она во многом определялась евразийскими особенностями российской цивилизации и имела синкретический характер. При этом необходимо отметить, что буддизм все же являлся доминирующим элементом в религиозно-мифологическом сознании калмыков. Принятие буддизма тибетского образца стало тем поворотным пунктом, который во многом определил всю дальнейшую историю калмыков и формирование менталитета калмыцкого этноса. Буддизм стал важным средством самоидентификации для калмыцкого этноса в инокультурном и иноконфессиональном окружении. Он стал точкой отсчета для всей системы ценностей, на которой уже формировались формы политической жизни, право, образование, этико-эстетические взгляды, искусство и литература.

Особым образом ментальность калмыка прослеживается в его концепции жизни, которая вбирает в себя буддийскую философию и народные философско-этические

представления. Для воссоздания целостной национальной картины мира необходимо понять основополагающие принципы и категории, на которых строится эта концепция жизни, представленная в фольклоре и воссоздаваемая в литературе. В национальном образе (картине) мира калмыков, представляется оригинальная концепция жизни, которая создается религиозными буддийскими философскими и народно-этическими представлениями. Буддийская философская концепция бытия, основанная на реинкарнации существа, призванной к преобразованию кармы посредством преодоления страданий, родила в культуре народа представления о *заян* — *судьбе*, предопределенности человеческой жизни [Бадмаев, Манджиев, Уланов: 62–63].

Судьба в сознании монгольских народов, — отмечает Г. Ц. Пюрбеев, — в их мифологии, фольклоре, религии (шаманство и буддизм в форме ламаизма), традиционной культуре в целом воспринимается фаталистически как категория, отражающая представление о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей [Пюрбеев 1999: 212]. Понимание судьбы занимает важное место в традиционной культуре калмыков, присутствуя в их мифологии, религии, фольклоре, литературе, в этнофилософской системе.

Таким образом, определенные, присущие калмыцкому этносу явления — традиционный тип хозяйствования (скотоводство), кочевой (номадический) образ жизни, религиозные верования — сформировали его ментальность, уникальную систему особого этнософского мировоззрения. Изучение феномена ментальности калмыков в социально-философском ракурсе имеет существенное значение и призвано способствовать глубокому рассмотрению культурной и исторической идентичности калмыцкого этноса.

Литература

- Бадмаев В. Н., Манджиев Н. Ц., Уланов М. С. Духовная культура калмыцкого этноса (Опыт этнофилософского исследования). Элиста: КалмГУ, 2012. 156 с.
- Бичеев Б. А. Дети Неба — Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста: КалмГУ, 2005. 200 с.

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. Е. М. Лысенко. (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1973. 233 с.
- Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 140–166.
- Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1999. 92 с.

Пюрбеев Г. Ц. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Солнцева. М.: Современ. писатель, 1999. С. 211–219.

Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: КалмГУ, 2009. 236 с.

Февр Л. Бои за историю. Пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова. Статья

А. Я. Гуревича. Комментарий Д. Э. Харитоновича (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1991. 635 с.

Четырова Л. Б. Кто ты, друг степей калмык? (К вопросу о способах этнической идентификации) // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. Элиста: КалмГУ, 2002. С. 66–68.

References

Badmaev V. N., Manzhiev N. C., Ulanov M. S. [Spiritual Culture of the Kalmyk Ethnicity (Experience of Ethnophilosophical Research). Elista: Kalmyk State University, 2012. 156 p. (In Russ.)

Bicheev B. A. [Children of Heaven — Blue Wolves. Mythological and Religious Foundations of Ethnic Consciousness of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk State University, 2005. 200 p. (In Russ.)

Block M. [Apology of History, or Craft of a Historian]. E. M. Lysenko (transl.). Monuments of Historical Thought. Moscow: Nauka, 1973. 233 p. (In Russ.)

Chetyrova L. B. [Who are you, Kalmyk Friend of the Steppes? (Concerning Methods of Ethnic Identification)]. In: [Material and Spiritual Foundations of the Kalmyk Statehood within Russia (to the 360th anniversary of the birth of Ayuka Khan]. Conf. proc. Part 2. Elista:

Kalmyk State University, 2002. Pp. 66–68. (In Russ.)

Fevr L. [Battles for History]. A. Bobovich, M. A. Bobovich, Yu. N. Stefanov (transl.); A. Y. Gurevich (art.); D. E. Kharitonovich (comment.). Monuments of Historical Thought. Moscow: Nauka, 1991. 635 p. (In Russ.)

Imkenova A. B. [Ethnic Identity of the Kalmyks]. Elista: Kalm. Book Publ., 1999. 92 p. (In Russ.)

Pyurbeyev G. Ts. [The Concept of Fate in the Culture of Mongolian Peoples]. In: [General and Eastern Linguistics]. Devoted to the 70th anniversary of V. M. Solntsev. Moscow: Sovrem. pisatel, 1999. Pp. 211–219. (In Russ.)

Ulanov M. S. [Buddhism in the Social and Cultural Space of Russia]. Elista: Kalmyk State University, 2009. 236 p. (In Russ.)

Volkogonova O. D., Tatarenko I. V. Ethnic [Identification of Russians or Temptation by Nationalism]. *Mir*. 2001. No. 2. Pp. 140–166. (In Russ.)